

Василина Д. С.

Башкирский государственный педагогический университет

им. М. Акмуллы

Уфа

Еникеева И. И.

Уфимский государственный нефтяной университет

Уфа

Уразбахтин А. А.

Башкирский государственный педагогический университет

им. М. Акмуллы

Уфа

ФИЛОСОФИЯ ПИЩИ КАК МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ Я И ДРУГОГО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Аннотация: Проблема межрелигиозного диалога во все времена имела важное значение для обеспечения мира и международной безопасности. В этой связи, именно межрелигиозный диалог обеспечивает получение достоверных представлений о различных вероучениях и конфессиях, преодоление внутри какого-либо религиозного сообщества «образа врага», возникновение доверия к представителям других религий, создание гармонии межрелигиозных и межэтнических отношений.

В статье рассматривается проблема пищевого диалога как формы межрелигиозного общения на примере христианско-мусульманских социокультурных традиций Урало-Поволжья. Опираясь на концепт философии пищи Э.Левинаса, анализируются вариации межрелигиозного диалога Я и Другого, его региональная специфика.

Ключевые слова: философия пищи, межрелигиозный диалог, диалектика Я и Другого, Урало-Поволжье, социокультурное наследие.

Vasilina D. S.

Bashkir State Pedagogical University

Ufa

Enikeeva I. I.

Ufa State Petroleum University

Ufa

Urazbakhtin A. A.

Bashkir State Pedagogical University

Ufa

PHILOSOPHY OF FOOD AS AN INTERRELIGIOUS DIALOGUE OF SELF AND OTHER: A REGIONAL VIEW AT THE SOCIO-CULTURAL HERITAGE OF THE URAL-VOLGA REGION

Annotation. The problem of interreligious dialogue has at all times been important for ensuring peace and international security. In this regard, it is interreligious dialogue that ensures obtaining reliable ideas about various faiths and confessions, overcoming the “enemy image” within any religious community, establishing trust in representatives of other religions, and creating harmony in interreligious and interethnic relations. The article examines the problem of food dialogue as a form of interreligious communication using the example of Christian-Muslim sociocultural traditions of the Ural-Volga region. Based on the concept of the philosophy of food by E. Levinas, variations of the interreligious dialogue between Self and Other and its regional specificity are analyzed.

Keywords: philosophy of food, interreligious dialogue, dialectic of Self and Other, Ural-Volga region, sociocultural heritage.

История возникновения и существования межрелигиозного диалога имеет древнюю историю, подобно самим религиям, так как люди издревле пытались понять окружающие народы с целью обеспечения защиты и ликвидации войн. Межрелигиозный диалог – это широкое понятие, заключающееся в использовании разнообразных форм общения среди различных религиозных сообществ. Но это не просто межконфессиональные дискуссии и переговоры, но и консультации, и соглашения, и даже сплоченные действия по конкретным вопросам, но и внутриконфессиональные. Несмотря на частое использование понятия «межрелигиозный диалог» в современном мире, его точная трактовка все еще имеет ряд затруднений.

Для Урало-Приволжского региона характерны такие черты как многонациональность и поликонфессиональность. Он занимает обширную территорию между Волгой и Уралом, включающие следующие регионы: Татарстан, Башкортостан, Удмуртскую Республику, Саратовскую, Оренбургскую, Волгоградскую, Самарскую, Астраханскую, Пермскую области. В данном федеральном округе насчитывается почти шесть десятков конфессий [8; 18] и более 110 этносов [13; 14]. Самая большая часть населения региона – христиане (в большинстве своем православного направления, сторонники Русской православной церкви), за исключением Татарстана и Башкортостана (здесь христиане и мусульмане по численности приблизительно равны) [4; 262-287]. К христианам относятся русские, мордва, марийцы, удмурты, коми-пермяки, чуваша, кряшены, бесермяне, украинцы и белорусы. К ним примыкают старообрядцы (поповцы и беспоповцы). Также проживают и представители других направлений христианства (монофизитство, католицизм, протестантизм). Это поволжские немцы, люди с польскими, литовскими корнями.

Вторая по численности прихожан религия в Урало-Поволжском регионе – ислам (это около 40% от всего количества мусульман в России)

[9]. Большинство приверженцев относятся к суннитскому направлению ислама. Ислам представляют татары, башкиры, казахи, азербайджанцы, узбеки, небольшая часть удмуртов, марийцев и чувашей. Остальные религии в Урало-Приволжском регионе представляет небольшое количество верующих: иудаизм (ортодоксальная форма, прогрессивные иудаисты, иудаисты-хасиды), буддизм (махаянисты, ламаисты), индуизм и даосизм. В округе представлены и так называемые «новые религии» (Церковь сайентологии, культ Анастасии, учения Рерихов и др.). Мы остановимся на крупных конфессиях Урало-Приволжского региона – на христианстве и исламе. И попробуем разрешить важный вопрос: как воспринимают участники межрелигиозного диалога себя и собеседника (оппонента)? Обратимся, главным образом, к позиции Эммануэля Левинаса, отраженной в работах «Тотальность и бесконечное», «Время и Другой».

Любой межрелигиозный диалог подразумевает познание чего-то нового. И это новое вносит только Другой, причем исключительно при условии, что он и воспринимается как Другой. Другой, при этом, не обязательно является членом некоторого ряда, представителем какой бы то ни было общности, а лишь тем, кто участвует во взаимодействии, в диалоге. Это «пробуждает» Я, выхватывает его из собственного «уютного» мира и лишает уверенности в своей собственной праведности и правоте. Так, Другой способен открыться в своем «лик», но не просто как пластическая форма (где Я может выделить его черты лица, особенности строения тела и т.п.), а в значимости Другого для человека [15; 235]. В «лик» Я видит Другого вне всякой общности, не как представителя определенного пола, возраста, профессии, а «как значение без контекста» [6; 103]. «Лик» являет Другого в его абсолютной уникальности.

По сути, пища – это нечто, полученное в результате взаимодействия с неким Другим. Кто он, этот Другой? Сразу не очевидно. Именно этим

фактом объясняется первая человеческая пищевая тревога, идущая из первобытности (страх перед пищей, которая принимается из чужих рук). Но, возможно, этот страх пройдет со временем или же, наоборот, перерастет в табу (станет традицией отказа от пищи Другого, итогом складывания мифов о запрете пищи)?

Особенно интересен философский взгляд Э.Левинаса на пищу как межрелигиозный диалог Я и Другого. Он рассматривал пищу в качестве материальной пищи жизни, а взаимозависимость метафизического желания с телесным желанием как инструмент достижения подлинной жизни, которая фиксирована как в духе, так и в теле [11; 146–151]. При этом, метафизическое желание обладает неограниченностью, беспредельностью, неисчерпаемостью и неудовлетворимостью; оно способно увести человека в трансцендентный мир с преодолением антропологического порядка бытия. Оно должно опираться и балансироваться телесным желанием, поскольку суть существования заключается в искренности голода и жажды [2; 34–38].

Но существует ли связь человека (как представителя определенной религии) и пищи? Безусловно, ведь Я, втягиваясь в бытие, переживает свою нетождественность именно через опыт голода. Он, в свою очередь, обуславливает потребность в пище, т.е. потребность в Другом, преодолевающем одиночество Я на уровне первичного телесного опыта. Тогда в чем суть тождественного? Поскольку при голоде Я оказывается нетождественным, тогда тождественностью он обладает при акте потребления пищи, т.е. при превращении иного в самого себя.

Именно религия стала поддерживать людей в их стремлении к чрезмерному потреблению пищи и воздержанию от нее (постничеству). Так с течением времени с целью оказания помощи верующему человеку в воздержании от пищи (умеренного потребления) были созданы периоды всеобщих постных дней. У народов Урало-Поволжья наблюдаем подобное поведение в виде строго соблюдаемой практики питания. К

примеру, в исламе существуют пищевые ограничения и правила застольного этикета. Они регламентированы Шариатом (сводом повелений и запретов, аятами Корана). Разрешенная пища обозначается термином «халяль» (с араб. яз. – дозволенное, разрешенное), запретная пища – «харам», нежелательная – «макрух», излишняя – «исраф» [10; 104-112]. И в этом глубокий смысл, заключающийся в возникновении терминологии. Ведь пророк Мухаммад с целью цивилизованности и консолидирования арабов ввел правила (в том числе, пищевые ограничения), тем установив моральный порядок. Аналогичная картина у народов Урало-Поволжья, представляющих христианство: отказ от определенной пищи – это добровольный процесс самоограничения (наравне с развлечениями, общением) на пути к духовному преображению и в подготовке к высшему соединению с Богом (таинство Евхаристии). Совместный прием пищи – важная часть жизни христиан Урало-Поволжского региона. Истоки берут начало из Книги Бытия. Так, заключение союза Иакова и Лавана завершается общей трапезой: «И заколол Иаков жертву на горе и позвал родственников своих есть хлеб; и они ели хлеб и пили и ночевали на горе» [3].

Э.Левинас считал, что общий прием пищи приводит к сопричастности Я и Другого (Других). Так, существует нечто третье, которое помогает при возникновении контакта [12; 137-149]: «Все конкретные отношения между людьми в мире заимствуют свой реальный характер у третьего термина. Это общность» [7; 312]. Общность, в свою очередь, предполагает и совместный прием пищи Я с Другим как социализацию и даже вид некоего родства. По Э.Левинасу, отношения с Другим (Другими) вне посредника чаще всего нереальные, поэтому только посредник способен перевести эти отношения в реальные. Поэтому совместное принятие пищи – это взаимодействие с Другим, это объединение Я и Другого.

В Урало-Поволжском регионе наблюдается тесное взаимодействие представителей разных религий России. К примеру, часть мусульман выполняют ритуалы, свойственные христианам (как примеры: крашение яиц на Пасху, приготовление блинов на Масленицу и т.п.), а христиане – ритуалы мусульман (к примеру, угощаются пловом из жертвенного барашка в Уразу-байрам). Можно ли считать, что Я принял полностью сторону Другого в межрелигиозном аспекте? Или же это лишь одномоментное принятие Я традиций Другого? В этом просматривается важная идея Э.Левинаса: «Другой как Другой есть не просто alter ego. Он является тем, чем Я не является» [6; 134]. Но Я апперцепирует Другого не в качестве дубликата себя, а в качестве человека, обладающего тем модусом, что «Я сам имел бы как им равные, если бы переместился Туда и был бы Там» [1]. При этом Другой явлен Я как то, чем Я никогда не сможет быть. Поэтому особенно важно уметь «поставить себя на место Другого» [14; 88-105]. Добавим, что пища может служить источником укрепления дружбы. Согласно представлениям мусульман Урало-Поволжского региона, угощение Другого пищей дарует жизнь отведавшему и ведет к его дальнейшему мирскому существованию, что порождает «неписанный договор» о безопасности, дружбе и любви. Отведавшие пищу Другие не смогут поступать с Я плохо, узы гостеприимства однозначно объединяют, а нарушение сказанного противоречит главному убеждению представителей ислама.

Безусловно, межрелигиозный диалог осуществляется по-разному в каждом регионе России. Территориально в Российской Федерации можно условно обозначить несколько типов регионов с различными моделями его развития. Многое зависит от количественного состава религиозного населения и роли представителей ислама и христианства в муниципальном управлении. К таким трем регионам относятся Урало-Поволжье, Северный Кавказ и другие территории России [5. С. 28-55].

Библиографические ссылки

1. *Артеменко Н.* Эммануэль Левинас и его учение о Другом// Magisteria. Введение в феноменологию. URL: <https://magisteria.ru/phenomenology/levinas-and-his-doctrine-of-the-other> (дата обращения: 01.03.2024).
2. *Беллон М. А.* Культура питания: особенности ценностных смыслов / М.А. Беллон // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 1. С. 34 – 38.
3. Бытие. Глава 31 // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/gen/31/> (дата обращения: 28.02.2024).
4. *Зорин В., Рудаков А.* Религии и конфессии Приволжского федерального округа / В. Зорин, А. Рудаков // Россия и мусульманский мир, 2009. С. 262 – 287.
5. *Котин И. Ю.* Ислам в России и перспективы мусульманско-христианского диалога / И.Ю. Котин // Россия и мусульманский мир. № 8, 2012. С. 28 – 55.
6. *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека / Э.Левинас, пер. А.В.Парибка. Санкт-Петербург: Высшая религиозно-философская школа, 1999. 265 с.
7. *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и бесконечное / Э. Левинас; Отв. ред. Г.М. Тавризян, Пер. И.С. Вдовина, Б.В. Дубин. М. : ЦГНИИ ИНИОН и др., 2000. 415 с.
8. *Осипова Н. Г., Елишев С. О.* Религия: социологический анализ: монография / Н.Г. Осипова, С.О. Елишев. М. : Перспектива, 2022. 434 с.
9. Полпред Президента России в ПФО провёл встречу с председателями духовных управлений мусульман Поволжья // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. URL: <http://pfo.gov.ru/press/events/100712/>. (дата обращения: 27.02.2024).

10. *Саби́ров И. В., Веселов Ю. В.* Концептуальные основания Корана о пищевых ограничениях в социальной практике питания «Хальяль» / И.В. Саби́ров, Ю.В. Веселов // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. № 4(129), 2019. С.104 – 112.
11. *Сохань И. В.* К вопросу о возможности философии пищи / Э. Левинас, И.В. Сохань // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 18. С. 146 – 151.
12. *Сохань И. В.* Порфирий и Левинас: философский анализ пищи и его возможности для исследований современной гастрономической культуры // Философия и культура в контексте времени. № 10, 2013. С. 137 – 149.
13. *Уставщикова С. В.* Изменения в этнической гетерогенности регионов Приволжского федерального округа / С.В. Уставщикова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Науки о Земле, 2017. Т.17, вып.1.
14. *Ямпольская А. В.* Вклад Левинаса в феноменологию и в деконструкцию феноменологии // Логос №1, 2004. С. 88 – 105.
15. *Ямпольская А. В.* Предисловие к переводу статьи Эмманюэля Левинаса «Заметки о смысле» // (Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С. Шолохова, А. Ямпольская. Москва, 2014.